

У подножия гор Айне, руины деревни Травников.

Солнце поднималось и садилось, день сменял ночь, Анан уже не помнила, сколько дней провела здесь. Она как будто совершенно потеряла контроль над чувствами и воспоминаниями, которые наполняли ее все эти годы. Она больше не могла и не хотела держать их внутри себя, каждый день и каждую ночь она была рядом с этим мужчиной, и хотела быть с ним всю свою жизнь, целую вечность!

Зевул, нет, лучше назвать его Дан Сайон, по крайней мере, для Анан он никогда не менял этого имени, сейчас был все также печален и измучен, и даже когда она обнимала его и прижимала к себе, он все равно не двигался, словно находился в забытьи.

Все эти дни Анан уже придумывала разные способы вытащить его из этого душевного состояния, но ничего не помогало, и в конце концов она временно прекратила попытки. Возможно, только она и могла понять, какую боль испытало его сердце.

Поэтому она больше не пыталась пробудить его, только тихонько находилась рядом с ним, положив голову к нему на плечо. Они так и сидели среди развалин деревни Травников, глядя на рассветы и закаты, глядя на восходящую луну и на яркие звезды. Вокруг шумел пустынный ветер, который касался их лиц легким ароматом трав.

Анан почему-то даже начала испытывать легкое чувство вины, но все же вместе с этим она ощущала себя счастливой. Такая простая вещь как быть вместе с любимым человеком, она ждала этого целых десять лет темных времен, но теперь она скинула с себя этот груз тяжелого ожидания, отпустила все сомнения и страхи, только ради него.

Подул легкий ветер, принесший прохладу.

Снова наступил вечер.

Они сидели, тихо прислонившись к стене, когда рядом в траве что-то шевельнулось, как будто пробежало какое-то животное. Но Анан даже не посмотрела в ту сторону, ведь через несколько секунд из травы показался силуэт Аша. Он в несколько прыжков оказался на стене, у которой сидели Анан и Дан Сайон, и удобно уселся там.

Тех повязок, которые сделала Кицунэ, на нем больше не было, раны уже почти затянулись, и наверняка Аш сбросил повязки сам. Сейчас он сидел на стене, сжимая лапки, в которых снова были дикие ягоды. Когда он разжал пальцы, несколько ягод выпало и попало прямо на голову Анан и Дан Сайона.

Дан Сайон так и остался сидеть неподвижно, но ягоды попали и на голову Анан, и хотя ей вовсе не было больно, это совершенно не подходило к ее привычному холодному образу. Она посмотрела на ягоды, упавшие на землю, подняла голову и посмотрела на обезьянку. Аш тут же вскочил и отошел от нее на шаг, в его глазах отразилась настороженность. Но он все же сжимал в руках свои ягоды и продолжал их кушать.

Может быть, отношения между ними сложились не очень хорошие, ведь Ашу совсем не нравилось, что рядом с его хозяином сейчас находится эта девушка. Но он видел ее в бою, и теперь немного ее побаивался.

Но как раз когда Аш всеми тремя глазами уставился на нее, эта неприступная девушка вдруг улыбнулась, и эта улыбка была словно весеннее тепло, от которого распускаются цветы, или теплый весенний ветер. От ее холодного вида не осталось и следа.

Анан вовсе не сердилась, наоборот, она была в добром расположении духа. Улыбнувшись Ашу, она подняла с земли ягоду и мягко сказала: «Это ты принес ягоды? Спасибо!»

Аш, очевидно, был удивлен такой необычной реакцией Анан, он надолго задумался и заморгал, но потом его рот растянулся в сухой улыбке, и он снова уселся на стену, продолжив есть свои ягоды.

Анан улыбнулась Ашу и вновь отвернулась. Ведь даже для нее обычная холодность не была природной.

Ее взгляд вновь коснулся лица Дан Сайона, и она тихо сказала: «Сяо Фань, поешь чего-нибудь».

Взгляд Дан Сайона был направлен в пустоту, в глазах была темнота. Он ничего не ответил, не кивнул и не покачал головой, но Анан и так знала, что от него не будет реакции, так что не удивилась. Она улыбнулась сама себе, опустила голову и белоснежными пальцами сняла кожицу с дикой ягоды. Все эти дни Дан Сайон оставался в таком состоянии, и Аш часто убегал за ягодами, очистив кожицу, Анан могла положить ягоду ему в рот, и потом он механически мог съесть одну или две штуки.

Но разве это было важно? Анан думала о том, что она ждала десять лет, чтобы быть рядом с ним, и пускай это время станет еще дольше, ей было все равно.

Опустив голову, она чистила ягоду, но вдруг ей на глаза попало кое-что, заставившее ее замереть и медленно положить ягоду на землю. Дан Сайон сидел без движения, и все эти дни его руки были сжаты в кулаки. Анан тоже сразу заметила это, но не обратила особого внимания, а теперь она вдруг увидела, что в руке он сжимает какую-то вещь, и наружу выглядывает маленький уголок.

Она слегка нахмурилась, положила ягоду и потянула Дан Сайона за руку, чтобы аккуратно разжать пальцы и посмотреть, что у него в руке. Но кто же знал, что Дан Сайон, несмотря на подавленное состояние, так сильно будет сжимать кулаки, что Анан не сможет их разжать. Она лишь смогла повысить поднять его руку и увидеть, что Дан Сайон с такой силой сжимал в кулаке. Оказывается, это был клочок зеленой ткани.

Анан молча посмотрела на кусочек ткани и медленно опустила его руку. Ее лицо стало печальным, но она сделала глубокий вдох, а когда вновь посмотрела на Дан Сайона, в ее глазах отражалась нежность.

Осторожно она протянула руки, обняла его и прижала к себе. Подул легкий ветерок, от которого ее волосы нежно коснулись его лица.

«Сяо Фань, все будет хорошо, все еще будет хорошо...» Она улыбалась, и хотя в ее глазах блестели слезы, голос по-прежнему был нежным и спокойным.

«Когда-то очень-очень давно, когда я еще была ребенком, я помню, как моя мама обнимала меня, и мы точно также смотрели на звезды». Анан медленно подняла голову и посмотрела в ночное время, где среди черного полотна сверкали яркие огоньки звезд. «Она сказала мне, что хоть и все мы когда-нибудь умираем, если мы были хорошими людьми, то после смерти мы превратимся в звезды и будем смотреть с небес на землю. Каждый вечер они смотрят на нас с

небес».

«Она ведь была хорошим человеком, правда? Может быть, она сейчас смотрит на тебя с небес, Сяо Фань... и несмотря ни на что, она бы не хотела, чтобы ты был в таком состоянии, как ты думаешь...»

Дан Сайон в объятиях Анан вдруг вздрогнул.

Анан слегка улыбнулась, и из ее глаз беззвучно потекли две дорожки слез. В свете звезд она казалась еще прекраснее, словно необыкновенная холодная богиня, но ее руки крепко обнимали Дан Сайона.

Она старалась обнять его еще крепче.

Если бы это могло длиться вечно!

«Пустая болтовня!»

Как вдруг где-то рядом раздался резкий голос, в котором звучало нетерпение и скрытый гнев. Анан удивленно вздрогнула и посмотрела туда, где слышался голос, увидев там прекрасную девушку. Это была Кицунэ.

Аш за спиной Анан очень обрадовался, спрыгнул со стены и в несколько прыжков оказался на плече Кицунэ. Он широко улыбался, очевидно, ему намного больше нравилась Кицунэ, чем Анан.

Однако Анан не обратила на это внимания, она нахмурилась, немного не понимая, почему Кицунэ сказала это, и переспросила: «Что?»

На лице Кицунэ выступил легкий румянец, кажется, она была очень разозлена, но все же ее выражение было странным, за яростью можно было различить боль. Вновь послышался ее холодный голос: «Человек умирает и все, самое большее, превращается в призрака, либо попадает в преисподнюю или вновь перерождается через тысячи лет, что это за ерунда про какие-то звезды!»

Эти слова прозвучали очень грубо, и хотя Анан была очень благодарна Кицунэ за то, что она сообщила ей о Дан Сайоне, ее лицо в этот миг потемнело. Но Кицунэ, не дожидаясь ответа, подошла прямо к ним, и, даже не посмотрев на Анан, холодно обратилась прямо к Зевулу.

«Сколько ты еще собираешься здесь сидеть? Ты хочешь всю жизнь провести как живой труп?»

Тон Кицунэ был таким резким, что лицо Анан резко изменилось, она уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но все-таки сдержалась, только ее сердце кольнуло болью, и она прижала Дан Сайона к себе еще сильнее.

Когда Кицунэ задала этот вопрос, на лице Дан Сайона дрогнул мускул, но он лишь снова закрыл глаза, опять погрузившись в полную неподвижность. Кицунэ, увидев это, разгневалась еще больше, схватила его за ворот одежды и подняла на ноги, при этом раздался голос Анан, полный страдания: «Нет, не надо, он, он не вынесет...»

Кицунэ холодно усмехнулась и сказала: «Я просто собираюсь отругать его так, что он проснется. Нет, зачем я буду его ругать? Лучше я изобью его!» Сказав это, не дожидаясь реакции Анан, она резко занесла ладонь и прямо на глазах Анан отвесила Дан Сайону звонкую

оплеуху, а потом еще одну.

«Хлоп! Хлоп!»

Раздался звонкий удар, и на лице Дан Сайона с двух сторон отпечатались красные следы ладоней, и даже в уголке рта появилась кровь, а от удара его отбросило назад. Анан успела подхватить его, не заботясь ни о чем, она оттолкнула Кицунэ и вновь обняла Дан Сайона, вытирая кровь с его рта, даже не боясь запачкаться. Анан погладила лицо Дан Сайона, ее сердце сжалось от боли, и она широко раскрытыми глазами посмотрела на Кицунэ, в ее голосе звучал гнев. «Ты обезумела?»

Но Кицунэ как будто не слышала ее слов, она только уставилась на Дан Сайона, которого начало трясти, и холодно сказала: «Что толку от тебя в таком состоянии, ты все время притворяешься полуживым трупом, ты думаешь, это хороший способ почтить память Лазурии? Я скажу тебе, не будь таким дураком, этим ты ничего не добьешься, Лазурия умерла, она умерла!»

«АААААААА!»

Как вдруг в ночи раздался полный отчаяния крик, Дан Сайон резко оттолкнул Анан и словно разгневанный, раненный дикий зверь набросился на Кицунэ. Но она и не думала уворачиваться, и когда он бросился на нее, Кицунэ, наоборот, шагнула к нему навстречу и снова замахнулась для пощечины.

«Хлоп!»

Раздался громкий хлопок, резко прокатившийся по развалинам деревни, Дан Сайон отлетел в сторону и выплюнул полный рот крови, которая запачкала его одежду на груди. На лице Кицунэ как будто тоже промелькнула боль, но она стиснула зубы и стала еще яростнее. Она быстрыми шагами оказалась рядом с Дан Сайоном, схватила его за рукав и гневно закричала:

«Да очнись же ты, даже если ты останешься таким до конца жизни, Лазурия не вернется. Ты думаешь, что таким образом сможешь выразить свои сожаления об этом? Ты думаешь, что если будешь так мучить себя, тебе станет легче? Я скажу тебе вот что, это тебе не поможет!»

Дан Сайон зажмурился, его начало сильно трясти, дыхание стало сбиваться, а губы побелели.

Хрустальные слезы беззвучно упали на землю, на этот раз, они катились из глаз Кицунэ. Она сильно сжала губы, слезы заливали ее лицо, и даже голос стал немного хриплым.

«Ты думаешь, ради чего Лазурия тогда спасла тебя, забыв обо всем? Неужели ради того, чтобы увидеть, как ты в таком состоянии проживешь остаток своих дней? Ее смерть не имеет к тебе отношения, но если ты останешься таким, ее дух никогда не сможет обрести покой, ты это понимаешь?»

Кицунэ схватила его и медленно опустилась на землю рядом, и как будто из последних сил хрипло выговорила по одному слову:

«Ты должен. Жить. Ты обязан. Выжить. Это то, чего хотела Лазурия!»

Сказав это, она уже не могла сдерживаться, резко встала, развернулась и большими шагами пошла прочь. Анан все это время молча стояла рядом, но когда Кицунэ проходила мимо нее, она вдруг тихо произнесла: «Спасибо!»

На лице Кицунэ все еще виднелись слезы, она замерла на миг, посмотрела на Анан, и луна озарила силуэты двух девушек. Через мгновение они протянули друг другу руки и пожали их.

Лицо Кицунэ, залитое слезами, озарилось легкой улыбкой, она кивнула Анан. Больше ничего не сказав, она удалилась.

Подождав, пока ее тень исчезнет в темноте, Анан медленно подошла к Дан Сайону, опустилась на колени и медленно прислонилась к его груди. Дан Сайон задрожал, медленно поднял голову и посмотрел на Анан.

Его взгляд стал таким же, как много лет назад, полным боли и ран, он был похож на ребенка, его губы дрогнули, а в уголках глаз мелькнули слезы.

«Лазурии... больше нет...»

Он дрожал и смотрел на Анан, из его глаз, наконец, потекли слезы, и он расплакался, словно ребенок, которому было ужасно больно. Он больше не мог сдерживать эту боль, которую скрывал внутри десять лет, он взял Анан за плечи, прижал ее к себе и громко расплакался, не переставая повторять:

«Лазурии нет... ее больше нет... Лазурия... умерла...»

Анан никогда не думала, что этот сильный мужчина станет таким слабым на ее глазах, но сейчас в ее душе осталась лишь нежность. Она крепко обняла его, желая отдать ему каждую частичку своего тепла и успокоить его плачущую душу, и заливаясь горячими слезами, она продолжала повторять и ему, и себе.

«Все будет хорошо, все обязательно будет хорошо...»

Эта ночь была долгой и полной печали.

После этого вечера Дан Сайон все же очнулся от того жуткого состояния, но через какое-то время у него начался жар.

Конечно, с его уровнем, в обычной ситуации такого не могло с ним случиться, но в таком ослабленном состоянии жар захватил все его тело, и сознание его вновь помутнело. Анан понимала, что такая болезнь появилась из-за ужасной душевной боли, смерть Лазурии стала этому причиной, но главным источником болезни была боль, которую он носил в себе все эти десять лет, и этого никто не мог вылечить.

В итоге она испробовала множество способов, принесла Дан Сайону лучшие волшебные пилюли, но это все было каплей в море, ничего ему не помогало. Жар держался уже десять дней, и все еще не собирался отступить. Обычный человек в такой ситуации уже бы испустил дух. Но это был Дан Сайон, и как бы он ни страдал, от него нельзя было услышать ни единой жалобы или стога.

Анан ужасно волновалась за него, десять дней она была рядом с ним день и ночь, очень сильно похудела, и, может быть, глядя на нее, небеса, наконец, сжалились. На одиннадцатый день, когда Анан уже, было, отчаялась, жар отступил.

Дан Сайон все еще был без сознания, но Анан все же смогла вздохнуть спокойно, и едва она расслабилась, ее тело охватила усталость. Она поправила одежду Дан Сайона, затем прилегла рядом и уснула.

На прекрасном лице появилась спокойная улыбка, и даже во сне она сжала плечо Дан Сайона, подул легкий ветер, вокруг зашелестели травы, как бы обнимая их двоих. Вокруг воцарилось спокойствие, и этот всеми забытый уголок как будто был полон тишины и счастья.

Неизвестно, сколько она проспала, и даже во сне она видела все, о чем мечтала!

Быть с любимым человеком вместе, всю жизнь...

А потом она проснулась.

На ее губах все еще играла счастливая улыбка, она медленно открыла глаза, он все еще был рядом с ней, спокойно спал, и его дыхание было совсем рядом.

Анан не шевелилась, словно ей больше всего нравилось тихо смотреть на него и слушать его дыхание во сне.

Как вдруг со стороны гор Айне раздался громкий взрыв, и над горами расцвет огромный фейерверк. Лицо Анан резко изменилось, она нахмурилась и медленно села.

Фейерверк в небе постепенно принял форму длинного меча, и так и остался висеть в воздухе. Это был знак, который в Айне использовался крайне редко, только во времена серьезных потрясений и опасности, это означало сбор всех учеников, которые были поблизости. Анан помолчала немного, снова посмотрела на Дан Сайона, медленно поднялась, подумала несколько секунд, и в итоге все же взяла в руки Ориханк, прислоненный к стене, и полетела в сторону Айне.

Ветер был все таким же спокойным, трава все так же тихонько шумела.

Дан Сайон все так же спокойно спал в траве, когда из зарослей неподалеку показалась голова Аша. Он огляделся вокруг, пару раз вскрикнул, очевидно, он был удивлен исчезновением Анан, затем Ан запрыгнул на грудь Дан Сайона, почесал голову и сел.

Его хозяин все так же спокойно спал, только слегка дрогнули пальцы его правой руки.

Прошло еще какое-то время, прежде чем трава снова зашумела от сильного порыва ветра, и белая тень Анан спустилась с небес к тому месту, где спал Дан Сайон. Аш, сидящий у него на груди, скорчил ей рожицу и спрыгнул в сторону, оглядываясь по сторонам.

«Сяо Фань... случилась беда». Ее голос казался пустым, словно у нее не осталось никаких сил. Она тихо сказала: «Только что я увидела в небе сигнал общего сбора и полетела узнать, что случилось. Оказалось, что пока мы были здесь, в мире случилось ужасное. В клане Вим, Мастер Вим заполучил какое-то страшное оружие, которое способно завладеть сознанием людей и управлять ими. Но самое страшное, говорят что он сам скрылся внутри огромного кровавого сияния, и когда эта красная тень настигает кого-то, не важно, простого смертного или мага, они становятся его марионетками, похожими на живых мертвецов».

Лицо Анан побледнело, рука слегка сжала Ориханк, но во взгляде на Дан Сайона все еще сияла нежность и сожаление. «Некоторые школы Света уже пытались с ним сражаться, но все они потерпели поражение, не говоря уже о бесчисленных потерях... самое страшное, что большинство людей... стали управляемы этим красным светом, стали слугами Мастера Вим, стали убивать своих соратников. Сейчас среди школ света воцарилась смута, а Мастер Вим все ближе подходит к горам Айне со своей армией. Он уже приблизился на сотню ли, и даже люди из Хэяна захвачены им. Со всеми этими людьми, его армия составила больше сотни тысяч слуг,

и он собирается напасть на Айне».

Она неотрывно смотрела на Дан Сайона, и вдруг из ее глаз хлынули слезы, падая прямо на его ладонь.

«Я хотела бы забыть обо всем, побыть с тобой еще, или даже всю жизнь... Я бы бросила весь мир, и пусть Мастер разгневалась бы на меня, это было бы не важно. Но сейчас, сейчас...» Ее губы начали слегка дрожать, она медленно опустила голову. «Но сейчас Айне в опасности! Я с детства была воспитана в Айне, Мастер любила и обучала меня, я в долгу перед ней. Если бы она отругала меня и отказалась бы от меня из-за того, что я осталась с тобой, я бы не пожалела ни о чем. Но сейчас они в беде, и я... Я должна вернуться, чтобы быть с ними».

Анан внимательно посмотрела на Дан Сайона, не отрывая взгляда, словно не желала отрывать от него глаз. Подул легкий ветер, шевельнувший полы ее платья.

«Может быть, ты не знаешь, но кто-то совершил диверсию против Айне, и теперь мы не можем запустить заклинание Убийцы Богов, когда-то непобедимое... Это будет просто... Это будет просто настоящая бойня, и я не знаю, сможем ли мы увидеться снова».

Анан сделала глубокий вдох, вытерла слезы, затем на ее лице мелькнула легкая горестная улыбка. Посмотрев на Дан Сайона, она сказала: «Сяо Фань, может быть, это судьба, и нам никогда не суждено быть вместе. Но...» Она замолчала на миг, и затем ее голос стал более уверенным и спокойным. «Но я никогда ни о чем не жалела!»

Сказав это, она склонилась и осторожно поцеловала Дан Сайона в губы, и это чувство тепла словно распространилось по всему телу.

Легкое ощущение счастья...

Она улыбнулась, закусив губу и встала на ноги, затем посмотрела еще раз на спящего парня, развернулась и ушла, но даже уходя она все время хотела обернуться, чтобы еще раз посмотреть на него, но все-таки в итоге так и не обернулась.

Может быть, она понимала, что если обернется, то больше не найдет в себе сил, чтобы уйти.

Белое платье зашелестело, и она ушла.

Трава шелохнулась от ветра, ее горький аромат распространился вокруг. Аш тихонько подошел и забрался на грудь Дан Сайона, молча глядя на исчезающий вдали силуэт. Ладонь Дан Сайона под его лапками снова слегка дрогнула.

С дуновением легкого ветра время текло незаметно, и руины деревни вновь погрузились в долгое молчание. Прошел день, настала ночь, и звезды снова посмотрели сверху на мир людей.

Аш все сидел на груди Дан Сайона, на вид он вовсе не хотел спать, только зевнул и несколько раз вскрикнул. Потом он вдруг словно что-то почувствовал и посмотрел на Дан Сайона.

Раздался тихий долгий вздох, а потом Дан Сайон медленно открыл глаза.

Сначала ему в глаза бросилось бескрайнее небо, глубокая темнота ночи и миллионы сияющих звезд. Он не двигался, только спокойно лежал на месте и смотрел в небо.

Аш на нем стал немного беспокоиться и даже подполз поближе к лицу, чтобы посмотреть на

него, но потом вернулся обратно. Ночной ветер зашумел в траве. Эта глубокая ночь была такой и сотни лет назад, которые сравнимо с человеческой жизнью были луной рядом со светлячком, мгновение – и нет его.

Может быть, древние понимали это, и потому так неустанно стремились к бессмертию!

Но если твое сердце стало пустым, для чего тебе это бессмертие?

Его выражение было спокойным, каким не было никогда. На его лице больше не было ни печали, ни волнения, он просто молча смотрел на небо.

В бескрайних небесах падали звезды, оно тоже молчало, и только ветер тихо пролетал вокруг.

Никто не заметил, как небо стало светлеть.

Но еще когда последняя тьма не исчезла в лучах рассвета, Дан Сайон закрыл глаза. Он еще долго лежал неподвижно, пока солнце не поднялось выше и мягко озарило его тело. Только после этого он вновь открыл глаза и в этот раз поднялся на ноги.

Стоя на месте, он огляделся вокруг, эти развалины были безжизненными, но для него родными, эти места были вырезаны у него на сердце, и их ничто не могло стереть оттуда. Здесь он когда-то бегал и играл, когда еще был чистым невинным ребенком.

Он сделал несколько шагов по траве, тихо и беззвучно. Аш схватился за его одежду и в три прыжка оказался у него на плече.

За спиной подул ветер, он как будто усилился и засвистел, трава вокруг зашумела словно волны. Разрушенные стены, словно молчаливые, но родные люди смотрели на него. Он подошел к северному краю деревни, откуда можно было разглядеть развалины той самой небольшой кумирни.

В этот раз Зевул стоял здесь очень долго, внимательно глядя на разрушенную кумирню. Через какое-то время его губы дрогнули, и на его лице появилась теплая улыбка. Она была совершенно спокойной, без тени ненависти и сожалений.

Потом он повернулся и пошел прочь, больше не оборачиваясь.

«Идем, Аш».

Аш на его плече слегка вскрикнул и почесал макушку.

Зевул слегка улыбнулся, подставил лицо свежему ветру и с улыбкой сказал: «Мы пойдем туда, куда должны пойти».

Его взгляд переместился вдаль, туда, где в небо уходили высокие пики Айне.

Пики Айне были погружены в хаос, но на Внутренней горе все-таки было намного тише и спокойнее, здесь не было видно никого из людей, и наверняка никто даже не вспомнил об этом месте из-за приближающейся беды и исчезновения Главного Мастера Шен Доула.

После полудня, когда яркое солнце озарило молчаливые деревья Внутренней горы, Зевул показался на спокойной лесной тропе. Он уже не в первый раз приходил сюда, можно было сосчитать уже несколько раз, и эти места давно были ему знакомы. Но сейчас он не выглядел ни осторожным, ни взволнованным, на его лице было все то же спокойствие, как в тот миг,

когда он пробудился. Он медленно шел вперед.

Горная дорога вела его среди холмов, по обеим сторонам от нее была чаща леса, в которой время от времени раздавались крики птиц. Зевул перевел взгляд от леса на тропу впереди, древняя тропа вилась змейкой, неизвестно, сколько историй она хранила.

Горный лес был молчаливым, время от времени пролетал ветер, в котором не было ни единого признака присутствия людей.

Знакомая развилка из воспоминаний встала перед глазами, и Дан Сайон остановился здесь, машинально посмотрев на правую тропинку, там, в густом лесу, среди листьев прятался уголок крыши величественного Зала Поклонения Предкам. Он слегка улыбнулся и вступил на эту тропу.

Развилка была совсем недалеко от Зала Предков, и совсем скоро он уже видел перед собой здание Зала. Но Дан Сайон не стал выходить на открытое место, он тихо спрятался за большим деревом на дороге и посмотрел в сторону Зала.

Внутри Зала Предков царил все та же полутьма, а на ступеньках и площади перед ним, также как и в прошлом, лежали целым ковром упавшие листья. Через какое-то время из здания Зала вышел силуэт в белом, необыкновенно прекрасный, с легкой улыбкой на губах. В его руке не было острого меча, теперь он держал простую бамбуковую метлу.

Он взглянул на упавшие листья и улыбка вновь мелькнула на его лице. Он потянулся, глубоко вдохнул немного сладкий горный воздух и затем начал спокойно подметать опавшие листья.

Его метла летала по земле, сметая листья в сторону, но некоторые из них, словно непослушные дети, все равно возвращались обратно, и он снова с улыбкой сметал их.

Ветер облетел горный лес, деревья вокруг зашумели.

Вдали, из-за большого дерева, Дан Сайон тихонько наблюдал за знакомым силуэтом, и на его лице появилась спокойная улыбка.

Бэй перед Залом Предков вдруг как будто что-то почувствовал, его рука дрогнула, он развернулся и посмотрел на горную тропу, но там было пусто, и кроме древних деревьев не было ничего, да и откуда здесь взяться еще кому-то?

Он застыл, затем слегка покачал головой и улыбнулся. Может, ему просто послышалось, решил Бэй, и снова принялся мести опавшие листья.

Дан Сайон покинул это место, Зал Поклонения Предков за его спиной становился все дальше, и очень скоро он вновь оказался на той развилке. В этот раз он посмотрел в сторону Лунной Обители и, без тени сомнений, пересек границу запретной территории, медленно направившись к ней.

Он чувствовал как никогда ясно, что в глубине этой Лунной Обители как будто какая-то сила непрерывно зовет его, заставляя его идти вперед.

Это ощущение посетило его еще когда он был в развалинах деревни Травников, и оно было невероятно сильным!

Он остановился прямо перед самой Лунной Обителью, внимательно глядя на это таинственное

место.

Снаружи эта каменная пещера выглядела точно так же, как и все остальные обыкновенные пещеры, грубый камень и твердая земля, отличие было лишь одно – за многие годы порог Обители так протерся от шагов, что стал блестящим, отражая события прошлого.

Именно из этого небольшого входа когда-то вышел Мастер Зеленый Лист, самый первый Мастер Айне. И после него бесчисленные его последователи оставили здесь свои следы за многие и многие годы. Лунная Обитель была истинным доказательством того, сколько пережила школа Айне за две тысячи лет.

Но сейчас перед Дан Сайоном была только обыкновенная каменная пещера.

Он улыбнулся и вошел внутрь, словно вернулся к себе домой, без сомнений и тревог.

Каменные стены не пропускали солнечный свет, солнце не проникало в пещеру, и внутри было очень прохладно. Все здесь было точно таким же, как когда он пришел сюда в первый раз, даже висящий на стене знак Тайцзи был точно таким же.

Дан Сайон подошел и коснулся рукой знака, сверкнуло слабое зеленое сияние, это было особое искусство Айне, реагирующее на Чистую Сущность. В слабом сиянии знак Тайцзи медленно пришел в движение, загорелся таким же светом и через миг, как он и предполагал, стена рядом медленно отъехала в сторону, открыв ту странную, похожую на морские волны завесу белого тумана.

Дан Сайон посмотрел на эти вздымающиеся волны, которые казались бездонно глубокими. В прошлый раз, когда он вошел туда, какая-то таинственная сила, которая жила внутри, затронула тьму в его сердце, он словно оказался в преисподней. И теперь он снова стоял перед ней, и внутри этих волн снова была сила, которая притягивала его, и ему казалось, что он уже погружается в нее.

Он сделал глубокий вдох и, больше не раздумывая, сделал шаг внутрь.

Волна прохлады встретила его, словно он оказался в подводном мире, а через несколько мгновений Дан Сайон заметил, что точно так же, как и в прошлый раз, находится в безграничной пустоте.

Вокруг повисла темнота без конца и края, без единого лучика света. Аш у него на плече стал беспокоиться и дернулся, несколько раз вскрикнув, Дан Сайон погладил его по голове, успокаивая обезьянку, и Аш перестал волноваться.

Затем Дан Сайон пошел вперед, глядя перед собой. Но кроме темноты вокруг не было ничего, он смотрел очень долго, но ничего не замечал. В конце концов на его губах мелькнула легкая улыбка, он закрыл глаза и так пошел вперед.

Он прошел несколько шагов, и вдруг мертвая тишина вокруг него была нарушена. Раздался удар, ему в лицо ударила волна жара, Дан Сайон даже мог ясно ощутить, что погрузился в настоящее пламя, все его тело словно обжигало огнем, боль заполнила каждый уголок его тела, словно он вот-вот сгорит в этом огне.

Но он еще крепче сомкнул веки, и даже когда мышцы на его лице начало сводить от боли, улыбка все так же не сходила с его лица. Шаг за шагом, хоть и медленно, но он шел вперед.

Аш на его плече испуганно закричал, кажется, он был ужасно напуган, но Аш крепко прижал его к груди, чтобы Аш спрятался у него за пазухой и не выглядывал наружу. Очень скоро ладони хозяина и биение его сердца успокоили обезьянку, и он замер у него на груди.

Звуки горящего пламени становились все громче, и даже в воздухе вокруг появился ужасный запах гари, боль в теле усилилась, каждый шаг сопровождался нестерпимой болью.

Но его шаги все же не останавливались, он продолжал медленно идти вперед.

Неизвестно в какой момент это бешеное пламя начало постепенно отступать, и вокруг него вновь воцарилась бесконечная тишина и пустота, боль в теле тоже постепенно исчезла.

В этой тишине неожиданно раздался ясный звук капель воды, ледяные капли взялись неизвестно откуда, они начали падать из пустоты на лицо Дан Сайона.

Ледяной холод пробирал до костей.

Через несколько мгновений, без всякого предупреждения, впереди раздался жуткий грохот, накрывший собой весь мир. В сознании Дан Сайона вдруг четко нарисовалась ужасная картина, огромная волна, высотой в десять тысяч ярдов, падала на него сверху, и перед этой мощью все на земле казалось просто муравьем, она способна была в один момент проглотить горы Айне. Его тело разрывал резкий ледяной ветер, боль, в десять раз сильнее прежней, вновь заполнила каждую частичку его тела.

Дан Сайон никогда не думал, что его тело будет подвергаться таким мучениям, будет ощущать такую ужасную боль, ему даже казалось, что от этой боли он вскоре потеряет рассудок. Тысячи рук разрывали его в стороны, он даже не мог больше дышать, словно его придавило чем-то на самом дне океана, невероятное давление превратило его в песчинку, в каплю воды, которая вот-вот исчезнет.

Но ведь перед смертью все равно нужно открыть глаза и посмотреть вокруг...

Словно свет свечи, эта мысль вдруг появилась в глубине его души и начала мелькать вдали, словно маяк.

Он сделал глубокий вдох и медленно продолжил идти, крепко зажмурив глаза!

Ледяные волны вокруг словно взбесились, в тот же миг они гневно засвистели и словно тысячи лезвий врезались в его тело. На лбу Дан Сайона выступил холодный пот, лицо стало бледнее мела, но все же его сознание сохраняло последние капли ясности, и он продолжал идти.

Шаг, еще один, он не останавливался, словно это была его жизнь, нужно было все время идти вперед, не оглядываясь назад.

Волны воды постепенно отступили, ужасный свист в ушах тоже исчез, тишина снова окутала его, в этой пустоте раздавалось лишь эхо его шагов.

В одиночестве, он шел вперед!

«Сяо Фань...»

Как вдруг за его спиной раздался тихий зов, и Дан Сайона словно ударило громом, он содрогнулся всем телом, на лице отразилось неверие, и его шаги впервые остановились.

Его глаза по-прежнему были закрыты, но губы начали слегка дрожать, с отчаянием, с болью, словно его сердце резало ножом, он хрипло проговорил: «Лазурия...»

Знакомый голос звучал словно прямо за его спиной, бесконечно нежный, но он резал его без ножа. «Сяо Фань, ты не помнишь меня? Обернись, посмотри на меня!»

По телу Дан Сайона прошла дрожь, его тело как будто боролось с сознанием, несколько раз он хотел обернуться, но потом вновь сдерживал себя. И хотя сейчас не были ни боли, ни пыток, сейчас по нему градом катил пот, лицо скривилось как от жуткой боли, словно сейчас все было намного страшнее, чем пройти через пламя и лед.

Тихий, но отчетливый зов вновь раздался за его спиной, словно он звучал там вечно. Он пережил столько всего, разве не ради этого голоса? Так почему же... он все еще не обернулся?

«Ааааа...»

Он вдруг закричал, его начало трясти, челюсть сжалась так сильно, что затрещали кости, словно он уже был на пороге конца своего терпения.

Но все, кажется, еще только начиналось. Кроме голоса Лазурии, зовущего за спиной, постепенно слышались и другие голоса всех тех людей, которые были вырезаны глубоко у него на сердце.

Отец, матушка!

Мастер Пучжи!

Тянь Болис, Сурин!

...

Постепенно все эти голоса наслаивались друг на друга, волна за волной, они звали его назад, кричали ему, и картины прошлого одна за одной возникали у него в голове.

Через горы и реки, он шел один, среди заснеженных гор шел его одинокий силуэт.

Он не хотел одиночества, не хотел бессмертия, он хотел лишь быть вместе со своими любимыми людьми...

Он схватился за голову и заплакал, словно маленький ребенок, которому некуда было спрятаться.

Слезы капали ему на ладони, принося тепло. Бесчисленные крики все так же звучали вокруг, призывая его, опутывая его, чтобы он открыл глаза и обернулся.

Но только от тепла слез его дрожащее тело вдруг успокоилось, казалось, что это знакомое теплое чувство посещало его совсем недавно. И кто-то неотрывно был рядом с ним, когда он был на самом краю, крепко обнимал его бесчисленные темные ночи, согревая его своим теплом.

И точно так же, в сумеречной пустоте, когда он находился между сном и реальностью, теплые слезы падали на его лицо, говоря ему, что в этом страшном холодном мире... он не один.

В этой жизни, среди гор и рек, среди заснеженных холмов.

Он.

Не один!

Бесчисленные голоса вокруг стали громче, словно что-то заставило их волноваться, они стали кричать еще сильнее, но Дан Сайон медленно поднялся, и боль на его лице сменилась спокойным теплом.

Затем он слегка улыбнулся, и в этой улыбке отражалась легкая ностальгия, он улыбался всем воспоминаниям, вырезанным у него на сердце. Затем он повернулся и пошел дальше, оставив все голоса за спиной, от этого они стали кричать еще громче, но потом эти резкие крики постепенно стихли.

Тишина вновь окружила его, в последний раз.

Впереди вдруг раздался легкий кашель, и слабый, но удивленный старческий голос произнес: «Так это ты...»

Дан Сайон остановился, сделал глубокий вдох, медленно выдохнул и открыл глаза.

<http://tl.rulate.ru/book/13084/425072>